

Дон Уинслоу
Особо опасны

DON WINSLOW
Savages

ДОН УИНСЛОУ

Особо опасны

Перевод с английского
Александры Головиной

издательство
астрель

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Coe)-44
У37

This edition is published by arrangement with *InkWell Management* and *Synopsis Literary Agency*

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Уинслоу, Д.

У37 Особо опасны /ДОН Уинслоу; пер. с англ. А. Головиной. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 381, [3] с.

ISBN: 978-5-271-44039-7 (ООО "Издательство Астрель")

Чон и Бен торгуют марихуаной, любят одну и ту же девушку по имени О и сражаются с мексиканским наркокартелем. Новый роман признанного мастера криминального жанра Дона Уинслоу "Особо опасны" динамичен, сатиричен и местами удивительно пронзителен, недаром автор все время вспоминает о двух самых романтических и профессиональных гангстерах прошлого – Бутче Кэссиди и Санденсе Киде, которые так же лихо и безоглядно жили, боролись и любили. И недаром по роману снял фильм Оливер Стоун, который отлично умеет работать с такими лихими и яркими сюжетами.

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Coe)-44

ISBN: 978-5-271-44039-7 (ООО "Издательство Астрель")

- © Don Winslow, 2010
- © А. Головина, перевод на русский язык, 2012
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
- © ООО "Издательство Астрель", 2012
- Издательство CORPUS ®

*Посвящается Тому Валла —
на льду и вне его.*

Я возвращаюсь в Калифорнию,
Где так чудесно все вокруг.
Я не покину Калифорнию,
Где вечен солнца желтый круг.

Джон Мэйол, *“Калифорния”*

1

Да пошли вы!

Именно таким в последнее время был настрой у Чона.

Офелия даже говорила, что у Чона не настрой, а отстой.

— Впрочем, тебе это даже идет, — добавляла она.

Зато у меня нет психованного папаши, который назвал свою дочурку в честь утопившейся идиотки, отвечал Чон. Своеобразная такая сублимация потаенных желаний, надо сказать.

— Это не папа, это мама меня так назвала, — возражала Офелия.

Когда она родилась, ее отец, Чак, болтался черт знает где, так что бремя выбора имени пало на ее мать Паку. Она и нарекла дочь Офелией. Мамаша О, Паку, вовсе не была индианкой, как можно было предположить. Паку — прозвище, которым наградила ее О.

— Это акроним, — объясняла Офелия.

П. А. К. У.

Пассивно-агрессивная Королева Универсума.

— Она что, тебя ненавидела, раз решила назвать Офелией? — спросил ее как-то Чон.

— Нет, меня она не ненавидела, — ответила О. — Она ненавидела то, что пришлось меня рожать, потому что из-за этого она подурнела и превратилась в жирную корову, то есть набрала два с половиной килограмма. Уже на обратном пути из больницы она заехала в магазин и купила беговую дорожку.

А все потому, что Паку была типичной БК из ЮОО — Богатой Красоткой из южного округа Орандж. Светлые волосы, голубые глаза, точеный носик и, разумеется, наилучшие сиськи, какие только можно получить за деньги (если вы живете в Орандже и не трясете фальшивой грудью, значит, вы из секты амишей). А бедра ее были удивительно гладкими. Вернувшись домой, в трехмиллионный особняк в Изумрудном заливе, Паку запихнула Офелию в модный рюкзачок и взобралась на беговую дорожку.

Чтобы пройти на ней две тысячи миль и никуда так толком и не прийти.

— Символичненько, а? — резюмировала О. — Видно, потому я так и люблю всякие механические штуковины. Тут не обошлось без проделок подсознания, правда ведь? Ну представь себе — я еще совсем крошка, а вокруг постоянно этот шум, такой убаюкивающий и ритмичный, да еще и огонечки мелькают, и все такое. Согласись, что-то в этом есть.

Как только Офелия выросла и узнала, что ее называли в честь маниакально-депрессивной подружки Гамлета, она тут же решила, что отныне друзья будут звать ее просто “О”. Все поддержали это решение. Но с таким прозвищем существовал определенный риск быть неправильно понятой, особенно если учесть, что о душераздирающих криках О во время оргазмов ходили легенды. Как-то на вечеринке О уединилась в спальне со своим дружкой. Вскоре со второго этажа раздались ее восторженные стоны и крики, заглушавшие и разговоры, и музыку. Из динамиков грохотало техно, но кончающая О перекрывала шум музыки октав на пять, не меньше. Ее друзья катались по полу от смеха. Все они не раз ночевали у О дома и частенько становились свидетелями ее неумного кроличьего темперамента.

— Это выступление вживую? Или, может, это “Меморекс”? — ехидно спросила, намекая на известную рекламу аудиокассет, ее подружка Эшли.

О все это ни капли не смущало. Она спустилась со второго этажа довольная и счастливая и, пожав плечами, заявила:

— Ну что тут сказать? Люблю кончать, вот и все!

Все знали ее как О, а подружки одарили ее еще и прозвищем Многократной О. Могло быть и хуже — например, ее могли прозвать Большой О. Впрочем, Офелия была для этого слишком изящной, с ее-то хрупкой фигуркой и ростом в сто шестьдесят сантиметров. Своей худобой она была обязана не анорексии с булимией, как боль-

шинство девиц из Лагуны, а прекрасному обмену веществ. Она сжигала калории со скоростью реактивного двигателя. О знала толк в еде, и ей совершенно не нравилось, когда ее рвало.

— Я эльф, — говорила она, — маленький шустрый эльф.

Так-то оно так, да не совсем.

Левая рука этого эльфа от шеи до плеча была покрыта разноцветными татуировками. На ее коже серебристые дельфины танцевали с золотыми нимфами, а вокруг бушевали синие волны, под которыми кружились ярко-зеленые нити водорослей. К когда-то чисто блондинистым локонам О недавно добавились еще и синие пряди. В правой ноздре сверкала серьга-гвоздик. Весь ее облик словно говорил:

— Да пошла ты, Паку.

3

Прекрасный денек выдался в Лагуне.

Впрочем, в Лагуне все они прекрасны, думал Чон, любуясь в окно очередным солнечным деньком. Так и идут, один за другим, один за другим, один за другим...

Другие, подумал Чон и вспомнил о Сартре¹.

Дом, где живет Бен, стоит на утесе, нависающем над пляжем “Каменный стол”. Красивее места

¹ Ж.-П. Сартр — французский философ-экзистенциалист. Именно ему принадлежит фраза “Ад — это другие”.

и не придумашь, что и не удивительно, учитывая, сколько бабок Бен отвалил за свою квартирку. Утес уходит в океан метров на пятьдесят, а то и больше — в зависимости от прилива, — и больше всего похож, что вполне логично, на стол. Не нужно быть членом клуба интеллектуалов “Менса”, чтобы это понять.

В гостиной, где сидел Чон, от пола до потолка тонированные окна, из которых открывался чудесный вид на океан, остров Санта-Каталина и отвесные скалы. Но глаза Чона были прикованы к экрану ноутбука.

— Что, порнушку в интернете смотришь? — поинтересовалась О, заходя в комнату.

— У меня зависимость, — откликнулся Чон.

— Да у всех зависимость от порнухи, — сказала О. Включая и ее саму — О частенько заходила в Сеть, вводила в поисковике слово “сквирт”¹ и смотрела порноролики. — Но для мужика это жуткое клише. Выбери себе какой-нибудь другой наркотик, что ли.

— Например?

— Не знаю, — пожала плечами О. — Героин, например. Ретро всегда в моде.

— И подхватить ВИЧ?

— А ты пользуйся чистыми шприцами, — посоветовала О. Забавно было бы обзавестись любовником-нариком, подумала она. Когда надоест с ним трахаться, можно просто посадить его в уголок. А переживая

¹ Сквирт — женская эякуляция, выбрасывание жидкости из влагалища во время или перед оргазмом.

за нарика, можно предаваться меланхолии — пока и она не наскучит. И потом уж всю жизнь приняться за его спасение — упрятать в лечебницу, навещать там по выходным, а после выписки ходить вместе на собрания анонимных наркоманов. Быть серьезной, одухотворенной и возвышенной, пока и это не надоест. И затем придумать себе еще какое-нибудь занятие.

Например, купить горный велосипед.

Как бы то ни было, наркоман из Чона вышел бы что надо — до того он тощий, высокий, угловатый и жилистый, словно его собрали из подобранных на свалке железяк. Весь состоит из острых углов. Эш, подружка О, как-то сказала, что, трахаясь с Чоном, можно здорово об него порезаться. А уж кому знать лучше, как не этой шлюшке!

— Я тебе там эсэмэску написала, — сказала О.

— Я телефон не проверял, — не отрываясь от экрана, ответил Чон.

Должно быть, клевая порнуха, подумала О.

— Так что ты там написала-то? — секунд через двадцать спросил Чон.

— Что скоро приду.

— А...

О толком и не помнила, когда Джон стал зваться Чоном — а ведь они были знакомы практически всю жизнь, чуть ли не с подготовительной школы. И даже тогда у Чона настрой был не настрой, а отстой. Учителя его ненавидели. Не-на-ви-де-ли. Чон бросил школу за два месяца до выпускного. Не то что-

бы он был дураком — нет, наоборот, мозги у него что надо, — просто такой вот характер.

— Ничего, если я покурю? — спросила О, протягивая руку за кальяном, стоявшим на стеклянном журнальном столике.

— Только сразу много не скуривай, — предупредил ее Чон.

— Чего это вдруг?

— Впрочем, дело твое, — пожал плечами Чон.

Вытащив зажигалку, О розожгла кальян. Она неглубоко вдохнула, и дым, попав в легкие, теплом разлился сперва по животу, а затем заполнил голову. Чон не врал — травка и впрямь была мощная. А чего еще ожидать от Бена&Чонни? Лучше их гидропонки только... Да что уж там, нет в мире гидропонки круче их, и точка.

Трава сразу же дала О по шарам.

Девушка лежала лицом вверх на диване. Кайф волнами омывал ее тело. Изумительная трава, изумительное благоволение. По ее коже забегали приятные мурашки. О страшно захотелось секса. Ничего удивительного — ее и чистый воздух частенько заводил. Расстегнув джинсы, она запустила руку в трусики и принялась себя ласкать.

Как это похоже на Чона, думала она, я лежу тут рядом, укуренная вусмерть и с голой жопой, а он пялится на оцифрованный секс, вместо того чтобы отыметь вполне реальную женщину, которая в двух метрах от него трахает себя пальчиками.

— Трахни меня, — услышала О свой голос.

Медленно, словно нехотя, Чон поднялся со стула. Подойдя к дивану, он какое-то время наблюдал за О. Она хотела было схватить его и притянуть к себе, но руки у нее были заняты, да и ей вдруг показалось, что Чон стоит ужасно далеко. Но наконец Чон расстегнул ширинку и — ура-ура, подумала О, — он, слишком-крутой-чтобы-учиться-в-школе чувак, он, невозмутимый дзен-мастер, потрахивающий Эш, он очутился перед ней с твердым, как камень, торчащим членом.

Сперва его движения были неспешными и аккуратными, словно его член был кием и он тщательно выцеливал каждый удар. Но вскоре он принялся трахать О с остервенением, вдавливая ее худенькие плечи в подлокотник дивана.

Чон пытался вытрахать из себя войну, двигал бедрами, пытаясь вытряхнуть из своей головы воспоминания, надеясь, что вместе со спермой из памяти вытекут и жуткие картины, но все было бесполезно, бесполезно, бесполезно, хоть О и старалась изо всех сил ему помочь, выгибая спину, напрягая ноги — будто пыталась сбросить его с себя, вышвырнуть его вон из своей папоротниковой пещеры, вышвырнуть этого захватчика, вгрызающегося в ее дождевые леса, в ее влажные скользкие джунгли.

А потом О не сдержалась.

Ах, ах, ах!

Ох, ох, о-ох...

О-о-о!

О!

Когда она проснулась — ну, более или менее, — Чон все так же сидел за обеденным столом, уставившись в ноутбук. Правда, теперь он еще и чистил разобранную пушку, части которой разложены на полотенце. Бен голову бы ему оторвал, если бы Чон испачкал смазкой стол или ковер. Бен крайне бережно относится к своим вещам. Чон говорит, этим он похож на типичную бабу, но Бен другого мнения. Просто каждый красивый и дорогой предмет в его доме олицетворяет собой риск, которому они подвергаются, выращивая и продавая гидропонную марихуану.

Бен хоть уже несколько месяцев и не появляется дома, Чон и О все равно стараются обращаться с его вещами как можно бережнее.

О надеялась, что Чон вытащил пушку не для того, чтобы отправиться “рок-н-роллить”, как он сам это называет. После приезда из армии он уже дважды выполнял поручения всяких сомнительных частных охранных фирм, по завершении которых возвращался домой, как говорил Чон, с пустой душой и полным счетом в банке.

Собственно, именно потому он на них и работал — получал деньги за то, что умел делать лучше всего.

Сдав экзамены и получив-таки диплом о среднем образовании, Чон поступил во флот, откуда

вскоре перевелся на подготовительную базу спецназовцев. Там, в Сильвер-Стренд, в шестидесяти милях к югу от Лагуны, наставники Чона всячески над ним издевались — например, заставляли лежать лицом вверх в январском океане, под ледяными волнами (а уж распространенная пытка, когда человек почти захлебывается водой, и вовсе входила в стандартную программу тренировок). Или водружали ему на плечи тяжеленные бревна, с которыми он должен был бегать по песчаным дюнам и преодолевать волны, доходящие ему до бедра. Кроме того, Чон нырял и сидел под водой, пока легкие чуть не разрывались в клочья. В общем, его наставники делали все, чтобы он сдался и бросил армию. Вот только они не учли, что Чону нравилось себя мучить. А когда же это до них наконец дошло, они принялись за него всерьез и обучили всем возможным трюкам, какие мог выполнить только совершенно сумасшедший и сильный маньяк вроде Чона.

А потом они послали его в очередной Тра-та-та-стан.

А именно в Афганистан.

Где полно песка, полно снега, а вот океана нет и в помине.

Талибы, знаете ли, серфингом не увлекаются.

Как и сам Чон. Он терпеть не мог этот псевдоклеветный вид спорта и всегда гордился тем, что он — единственный не-гомик в Лагуне, не занимающийся серфингом. Забавно, что армейцы потратили прорву

денег, пытаюсь сделать из него Аквамена¹, а потом сослали в страну, где и воды-то никакой нет.

Впрочем, чего тут обсуждать? Где гремит война, туда и едешь.

Чон отмотал в армии два срока. Затем демобилизовался и вернулся в Лагуну, где его ждало...

Ждало...

Э-э-эм...

В общем, ничего его там не ждало.

Чону там совершенно нечего было делать. Да ему ничего и не хотелось. Он, конечно, мог бы податься в спасатели, но его как-то не прельщала перспектива торчать целыми днями на вышке и смотреть, как туристы обзаводятся меланомами. Один капитан в отставке предложил ему работу — продавать яхты, но Чон ненавидел лодки, так что ничего из этого не вышло. Когда к нему обратился один из корпоративных рекрутеров, Чон как раз сидел без работы.

И он отправился “рок-н-роллить”.

Какого только дерьма он не видывал в те до-ираковские времена — и похищения, и отрубленные головы, и террористические атаки, и черепа, лопающиеся, словно перезрелые дыни. Работа же Чона состояла в том, чтобы уберечь своих клиентов от подобных неприятностей, а если вспомнить, что нет защиты лучше, чем нападение...

В общем, что было, то было, отрицать не стоит.

¹ Аквамен — супергерой из одноименного комикса, который может дышать под водой, телепатически общаться и управлять всеми формами морской жизни, а также плавать на больших скоростях.